

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-1-229-241

О. И. Целищева

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

oxanatse@gmail.com

РОРТИ И ПОСТМОДЕРНИЗМ

Опровергается широко распространенное мнение о близости философии Р. Рорти к постмодернизму. Показывается, что в противостоянии аналитической и континентальной философии Рорти к концу жизни занимал умеренные позиции, критикуя обе стороны за нетерпимость. Аргументируется, что Рорти объяснял различия в стиле философствования обеих ветвей несколькими факторами, включая сайентизм versus романтизм и личное versus общественное. Кроме того, неприятие Рорти политических установок постмодернистских философов сыграло значительную роль в формировании поздних взглядов Рорти.

Ключевые слова: Рорти, постмодернизм, Хайдеггер, Деррида, сайентизм, романтизм, аналитическая философия, континентальная философия.

Широкая известность Р. Рорти в среде не только философов, но и в околофилософских кругах была обязана распространенному мнению, что критика им аналитических философов неизбежно связана с его приверженностью постмодернизму. В определенном отношении это мнение верно, потому что Рорти приложил руку к внедрению в американские университеты континентальной философии. Более важным обстоятельством оказалась его интерпретация постмодернизма, гораздо более постижимая, чем зачастую оригинальные произведения континентальных философов. И все же по большому счету это мнение не отражает сложности взглядов Рорти на современную философию в условиях ее раскола на аналитическую и континентальную традиции: отказавшись от первой, он отнюдь не принял второй. Аргументация в пользу этого тезиса представлена в данной статье.

Резкая критика Рорти аналитическими философами мотивировалась тем, что он является одним из главных проводников «ненаучной

и иррациональной» философии постмодернизма в Америку. Между тем Рорти прямо отрицает свою принадлежность к постмодернизму, говоря, что

Хайдеггер и Деррида часто именуется «постмодернистскими философами». Я иногда употреблял слово «постмодерн», но скорее в более узком смысле, определенном Лиотаром как «недоверие к метанарративам». Но сейчас я не хотел бы делать это. Я оставил попытки найти что-то общее в зданиях Майкла Грейвза, романах Пинчона и Рушди, поэмах Эшбери, различных видах популярной музыки, и в сочинениях Хайдеггера и Деррида [Rorty, 1991a. P. 1].

Если это так, то что связывает Рорти с философией, скажем, Хайдеггера и Деррида? Для Рорти оба этих философа являются союзниками в его борьбе против платонизма и картезианского дуализма. Именно в этом контексте нужно рассматривать интерес Рорти к постмодернистам. Сам он достаточно четко говорит о влиянии на него философов новой волны, ассоциируемых с «концом философии», но отнюдь не модернистского толка:

...переоткрытие Дьюи совпало с моей первой встречей с Деррида... Деррида вернул меня к Хайдеггеру, и я был поражен сходством критики картезианства со стороны Дьюи, Витгенштейна и Хайдеггера. Внезапно все стало на свои места. Я решил, что увидел способ смешения критики картезианской традиции с квазигегелевским историзмом Мишеля Фуко, Яна Хакинга и Аласдэра Макинтайра. Я подумал, что могу приспособить все эти вещи в квазигегелевскую историю о трениях с платонизмом... Результатом этой небольшой эпифании явилась книга «Философия и зеркало природы». Хотя нелюбимая моими собратьями, философскими профессорами, эта книга имела успех среди нефилософов [Rorty, 1999a. P. 12].

Чтение работы упомянутых выше Я. Хакинга [Hacking, 2002] и А. Макинтайра [2000] убеждает, что их стиль весьма далек от постмодернистского. К тому же оценка Рорти постмодернистов совсем не сводится к оправданию, уж тем более к восхвалению. Напротив, чтение его очерков, в частности, о Хайдеггере или Деррида свидетельствует о том, что Рорти принимал отнюдь не все в их философии.

То, что... Хайдеггер хотел – нечто, не являющееся результатом ни расчетливых средств для достижения цели, ни силы сумасшествия – было у него все время под носом. Это был новый мир, начавший возникать со времени Французской Революции – мир, в котором ориентированная на будущее политика, романтическая поэзия, нерелигиозное искусство сделали возможными социаль-

ные процессы, к которым Хайдеггер никогда не присоединялся. Он не присоединялся потому, что он никогда на самом деле не видел ничего за пределами философских книг. Его ощущение драмы европейской истории было ограничено драмой его собственных «Очерков истории Бытия как метафизики». Он никогда не был способен видеть в политике или искусстве что-то большее, чем эпифеномены – никогда не был способен стряхнуть с себя собственное профессорам убеждение, что все остальное относится к философии как надстройка над базисом. ...Хайдеггер радостно игнорирует, или насильственно переинтерпретирует, многое из того, что идет от Платона и Ницше, в то же самое время представляет себя как внимательного слушателя голоса Бытия, говорящего их словами. Но Хайдеггер знал заранее, что он хотел услышать. Он хотел услышать нечто, что сделало бы его собственное историческое положение решающим, сделав свою собственную историческую эпоху последней... Хайдеггеровская надежда состояла в том, что сам Хайдеггер, его Мышление, будут решающими событиями в Истории Бытия [Rorty, 1991b. P. 49].

Этот пассаж показателен во многих отношениях. После него трудно говорить о каком-то почтении к Хайдеггеру со стороны Рорти. Но в пассаже передано не просто сдержанное отношение Рорти к Хайдеггеру (термин «объективное» был бы более уместен, но он абсолютно не вписывается в словарь Рорти); в нем также очерчен горизонт вещей, которые важны, с точки зрения Рорти, для понимания философии, а именно, искусство, романтическая поэзия, политика, историческое мышление – все то, что аналитическая философия игнорировала, ориентируясь на сухую науку. Это обстоятельство можно считать предтечей философского экуменизма Рорти.

Полемика между аналитическими философами и Рорти к тому времени не была симметричной: Рорти был гораздо более сдержан в своих оценках, нежели его аналитические оппоненты. Взаимные обвинения не позволяли объективно оценить степень расхождения Рорти по многим вопросам с теми аналитическими философами, которых Рорти часто призывал в «свои ряды», например, Д. Дэвидсоном, У. Куайном, Т. Куном. Аналитической стороне часто не хватало сдержанности и доброжелательности. Вообще, полемика аналитических и континентальных философов в отношении правильности используемых философских методов действительно в определенном смысле асимметрична. Дело в том, что если аналитические философы настаивают на научности своего метода, то континентальные философы, скажем, Фуко и Хайдеггер, вообще сторонятся, с точки зрения Рорти, таких вещей, как «метод», «система» и уж тем более «наука».

Один из способов описания того, что делает поздний Хайдеггер, состоит в понимании важности поэзии в его творчестве. В частности, Рорти утверждает, что

...в конечном счете дело философии состоит в том, чтобы сохранить силу самых элементарных слов, в которых Dasein выражает себя, и хранить их от уравнивания с непостижимостью, которая функционирует как источник псевдопроблем. ...Когда слово используется часто и с легкостью, когда оно знакомо...мы больше не слышим его. Хайдеггер говорит, что мы должны быть способны слышать «наиболее элементарные» слова, употребляемые нами... а не просто использовать их как инструменты [Rorty, 1991б. Р. 34–35].

Но ученые непрерывно произносят как слова из области экзотической этимологии, так и «затасканные» слова, которые служат им инструментарием для понимания природы. То же обязаны делать аналитические философы, не делающие (после оксфордской школы обыденного языка) «культу из языка». Так что вряд ли постмодернисты и аналитические философы могли сойтись в том, достаточно ли для них употребления лишь «элементарных» слов. Вполне понятно, что для выяснения того, как надо философствовать, элементарных слов недостаточно, а превознесение или просто оправдание пророческого и поэтического стиля вызывает только раздражение, доходящее до «агрессии», причина которой лишь в убеждении, что решение философских проблем, если таковое вообще осуществимо, может быть сделано только на пути науки. Имея в виду это обстоятельство, Рорти призывает к умеренности во взаимных обвинениях:

Я слышал, что аналитические философы приходят в ярость по поводу департаментов сравнительной литературы за вторжение на философское поле преподаванием Ницше и Деррида, и удвоенную ярость при предложении им самим преподавать эти вещи. И наоборот, я слышал от поклонников континентальной философии об отвращении, которое они испытывают от «простой логической мясорубки», которая отнимает время у студентов в аналитических департаментах и иссушает их умы. Подобные взаимные упреки в некомпетентности...беспочвенны. Они также опасны, потому что приведут к тому, что в университетах не будет людей, кто сможет объяснить книги интересующимся студентам. Все же единственный способ, которым институты либерального образования могут оправдать свое существование, это быть местами, в которых каждый студент может практически найти любую книгу в библиотеке – Гадамера или Крипке, Серла или Деррида – и тогда найти кого-нибудь, чтобы поговорить об этом [Rorty, 1982. Р. 225].

Характерным признаком аналитической философии является ее ярко выраженный сайентизм, позволяющий говорить об отсутствии автономии философии в ее аналитическом обличье. Рорти фактически закрепляет это обвинение, говоря о трех типах философов: философ как ученый, философ как поэт и философ как социальный реформатор [Rorty, 1991в]. Однако эта классификация идет вразрез с более фундаментальным вопросом о соотношении философии с другими областями знания. Действительно, претендуя на автономию, философия должна отличаться как от науки, так и от беллетристики. И действительно, аналитические философы, несмотря на свою приверженность научному знанию, тем не менее, готовы защищать свою автономию против попыток ассимилировать ее в пользу науки, или же попыток полностью заместить философию наукой, идущих от таких видных ученых, как С. Хокинг. В популярной книге, написанной им совместно с неким Млодиновым [Хокинг, Млодинов, 2012], провозглашается «смерть философии». Д. Холдейн в рецензии на эту книгу замечает, что философия, по словам Этьена Жильсона, «всегда хоронит своих гробовщиков» [2014].

Если не обсуждать такие радикальные лозунги, как «конец философии», то в любом случае в позиции аналитических философов отчетливо видно стремление к сохранению барьера, гарантирующего автономию философии как дисциплины. Другой барьер, менее явный, устанавливают уже некоторые континентальные философы, например Хайдеггер, полагающий философию в ее фундаментальной миссии «ниже» поэзии. Вот в этом моменте Рорти, несмотря на все свои симпатии к континентальной философии, гораздо более радикален, чем континентальные философы. Он настаивает на том, что все барьеры подобного рода должны быть ликвидированы. Дело в том, что, с его точки зрения, философы, ученые, литераторы вовлечены в один и тот же процесс изобретения новых словарей и новых историй, которые при всем своем жанровом различии в общем служат пониманию роли человеческой культуры. Нужно иметь в виду, что под термином «словарь» Рорти имеет в виду то же, что М. Фуко под термином «эпистема», а Кун – «парадигма».

В интервью, которое Рорти дал итальянскому профессору Джованне Боррадори, представлен еще один аргумент в пользу ликвидации барьеров:

Философия – это не квазинаучная дисциплина: если вы воспринимаете философию как продолжение литературы, то вы отказываетесь от разделения на дисциплины. Мне кажется, что ев-

ропейцы уже давно воспринимают философию как продолжение литературы. Валери и Сартр при желании могли переключаться с одной на другую [Боррадори, 1999. С. 138].

В определенном смысле такое слияние философии, науки и беллетристики кажется явным преувеличением, поскольку значительнейшее место в философской традиции занимает различие наук естественных и гуманитарных. Но для Рорти такого рода крайность нужна для демонстрации важного тезиса об отсутствии у философии автономии. Для автономии требуется выделение того, что можно назвать сущностью, но именно сущность как философская категория полностью отрицается Рорти, что показательно в таких названиях его статей, как «Мир без сущностей» [Rorty, 19996].

Противопоставление двух видов философии уходит корнями в противопоставление различных стилей мышления, которые часто ассоциируются с именами утилитариста И. Бентама и романтика С. Кольриджа. Первый из них представляет эмпирико-научный способ размышления, в то время как второй – герменевтически-романтический. В определенном смысле деление Ч. Сноу культуры на научную и гуманитарную является продолжением этого разговора о разных способах мышления [1973]. Б. Рассел отмечал, что

...романтическое движение как целое характеризуется подменой утилитарных стандартов эстетикой... Темперамент романтиков лучше всего изучать по беллетристике [2003. С. 798].

В этом контексте более понятно, почему для континентальных философов Рорти выбрал ярлык «философов-поэтов». Действительно, противопоставление «поэзия – наука» эксплицируется противопоставлением «красота – истина». Но Рорти полагает, что различие лежит в другом ракурсе: в обращении, с одной стороны, к личным потребностям, и с другой – к общественным. Такое деление имеет скорее «вкусовой», психологический, оттенок, так что Рорти полагает, что само исходное противопоставление двух видов мышления является делом степени, нежели противопоставлением разных видов мышления. Здесь таится возможность ослабления напряженности между научным и поэтическим объяснением мира и человека, что свидетельствует о большей сбалансированности взглядов Рорти на соотношение аналитической и континентальной философии.

Утилитаристское и романтическое понимание мира и человека предполагают два вида моральных и политических стандартов, которые переносятся на теоретическую философию. Официальные цен-

ности научного сообщества носят демократический характер, потому что установление научных истин не может происходить в авторитарном порядке, и все, в конце концов, сводится к согласию внутри научного сообщества. Эта ситуация формирует добродетели «демократического научного сообщества». Аналитическая философия, следующая по пути науки, предпочитает толерантность, цивилизованность. Поэтому симпатии философов должны быть на стороне науки, поскольку их роднит рациональность мышления. Континентальная философия, с другой стороны, представлена иррационалистами, поэтами, индивидуалистами, анархистами и, как следствие, антидемократами и антигуманистами. На некотором этапе своего интеллектуального развития симпатии Рорти лежали на стороне континентальных философов, и не в силу интеллектуальных превосходств ее представителей, а из более общих соображений о характере либерального общества. Рорти полагал, что настоящими героями либерального общества являются не ученые или философы аналитического толка, а «философы-поэты».

Либеральное общество – это такое общество, чьи идеалы осуществимы скорее убеждением, нежели силой, реформами, а не революцией, свободным и открытым столкновением лингвистической и других практик... [Оно] не имеет других целей, кроме как сделать более легкой жизнь поэтов и революционеров, которые делают жизнь других только словами, а не действиями [Rorty, 1989. P. 60–61].

Этот пассаж Рорти попросту загадочен, поскольку из него ясно, что либеральное общество не является демократическим. Здесь философские предпочтения Рорти доминируют над его действительными демократическими ценностями. Очевидно, мы здесь имеем откровенное противоречие, противоречие в понимании приоритета между демократией и философией. Рорти предпочитает «анормальных мыслителей», образ мысли которых противоречит ценностям либерального общества. Что не устраивает анормальных мыслителей в систематической философии? Ответ австрийского писателя Р. Мюзилля, цитируемый французским философом Буврайсом, полностью совпадает с диагнозом Рорти:

Философы буйные и агрессивные люди, которые, не располагая оружием, подчиняют себе мир посредством заключения его в систему. Вероятно, это также причина того, почему во время тирании появляются великие философские умы, тогда как времена продви-

нудой цивилизации и демократии не преуспевают в появлении убедительной философии... [Bouveresse, 2000. P. 145].

Однако сам Рорти не усматривает в этом никакого противоречия, полагая, что систематические философы важны в публичной сфере, тогда как аномальные философы-иррационалисты важны в личной сфере. Противопоставление личной и общественной философии является маневром, который спасает Рорти от откровенных противоречий; то же относится к его отказу увязывать политическую позицию философа с его философским творчеством. Например, он полагал, что даже если бы Хайдеггер не был близок к нацистской идеологии, он все равно писал бы по философии примерно то же самое [Rorty, 1999в. P. 196–197].

Критикуя аналитическую философию, Рорти отнюдь не принимал безоговорочно идеологию тех, кто ассоциировал себя с противниками аналитической философии. Как только Рорти обращается к политическим и культурным вопросам, он все меньше и меньше проявляет терпимость к своим постмодернистским коллегам в гуманитарных науках. В частности, ему не нравилась их политика.

«Я был окружен, как мне казалось, идиотами левого толка в литературных департаментах», объяснял он, «людьми, которые говорили о своем вовлечении в политику, но которые, как я мог убедиться, вовсе не были таковыми. В книге «Достигая нашу страну» Рорти подверг резкой критике то, что он описал как «показушные, отвратительные, пародийные Левые». Он обвинил в самодовольстве и политической импотенции академиков, которые позволили заменить культурной политикой реальную политику. Он жаловался на исчезновение «реформистских левых», таких американцев, как Юджин Дебс и Франклин Рузвельт, которые «между 1900 и 1964 г. боролись в рамках конституционной демократии за дело защиты слабых от сильных [Райерсон, 2014. С. 439–440].

Рорти чувствует ответственность за то, что его усилия по внедрению идей континентальной философии в Америке привели к недопустимому использованию философии в политике. Когда он прибыл в Вирджинский университет учить континентальной философии, Рорти признается, что

...не предвидел, что случится на самом деле: что популярность философии (с прозвищем «теория») в департаментах литературы была просто промежуточным этапом на пути развития того, что в Америке получило название «Академических Левых». Эти лефтисты, утверждает Рорти, «убедили себя, что, заклиная различ-

ные лозунги в стиле Деррида и Фуко, они борются за человеческую свободу... Политическая бесполезность, относительное невежество, утомительный самопоздравительный энтузиазм этих новых Академических Левых, вместе с постоянным заклинанием имен Деррида и Фуко, явились причиной того, что эти мыслители получили плохую репутацию в Америке». Он заключает: «Я, должен признать, наказан. Но я не стыжусь... Есть другие вещи, которые можно сделать с Фуко и Деррида, чем то, что сделано с ними этими людьми, точно так же, как есть другие вещи, которые можно сделать с Ницше, чем то, как использовали его нацисты [Райерсон, 2014. С. 440].

Существует ошибочное мнение, что континентальная философия, с точки зрения Рорти, внесла существенные коррективы даже в систематическую философию, указывая в данном случае на сочинения Ж. Деррида. Об ошибочности этого мнения свидетельствует сам Рорти:

Не существует ни одной темы – в частности, в области соотношения знака и обозначаемого, языка и мира – в которой Деррида имел бы взгляды, отличные от взглядов философов языка... Нет у него и прозрений, которые бы дополняли их. Он, повторяю я, не является философом языка [Rorty, 1982. P. 105].

Больше того, Рорти вообще не считает Деррида оригинальным философом, поскольку для самого Рорти, быть может на бессознательном уровне, философия ассоциируется с систематической аргументацией. С другой стороны, Рорти вполне сознательно выводит Деррида из ранга философов в традиционном смысле понимания философии и оправдывает свой интерес к нему тем, что Деррида просто интересен. Этот мотив в оценке мыслителей является постоянным у Рорти. Но сам по себе интерес такого рода, с точки зрения самого Рорти, может быть присущ читателям, ищущим в философии нечто большее, чем аргументация.

[Деррида] просто отбрасывает теорию – попытки рассматривать своих предшественников в целом и устойчиво – в пользу фантазий об этих предшественниках, играя с ними, давая волю целым потокам ассоциаций, которые возникают в связи с ними. Не выводится никакой морали из этих фантазий, они не имеют никаких публичных (педагогических или политических) применений; но для читателей Деррида, они, тем не менее, являются достойными подражания – как предложения того сорта вещей, которые редко кто делал до него [Rorty, 1991г. P. 125].

Случай Деррида, даже при такой оценке его вклада в философию языка, дает Рорти еще раз повод выразить свое понимание того, что такое философ. В самом деле, является ли Деррида философом? Рорти говорит, что чтение Деррида скорее сходно с чтением беллетристики, скажем, М. Пруста, нежели с чтением Ницше или Хайдеггера. Хотя общераспространенная точка зрения состоит в том, что Рорти является защитником континентальных философов, многие из них считают, что от такого защитника надо защищаться [Bouveresse, 2000. P. 134]. Рорти действительно сослужил значительную службу континентальной философии, разъясняя многие путаные и трудные положения, которые так свойственны ее представителям.

Рорти выступает комментатором, цель которого в примирении различных способов философствования. Трудные пассажи Хайдеггера он объясняет тем, что тот вводит новую языковую игру в смысле Витгенштейна. И тут же он утверждает, что эта языковая игра должна пониматься не так, как ее понимал сам Хайдеггер, будучи не публичной, а серией замкнутых в себе концепций. Ироническое замечание Рорти в этом контексте показательное:

Heideggerese есть дар Хайдеггера нам, и не дар Бытия Хайдеггеру [Rorty, 1991д. P. 65].

Подвергая критике языковую игру Хайдеггера, Рорти, тем не менее, полагает само применение понятия игры к интерпретации творчества философов важным и полезным, потому что оно призывает философов быть терпимыми друг к другу и потому что каждый имеет право на свою языковую игру, лишь бы она была интересна. Но при этом Рорти оставляет открытым вопрос, какие основания должны быть у нас для принятия той или иной игры. Здесь Рорти непоследователен, потому что языковые игры, в которые играют аналитические и континентальные философы, не пересекаются, их трудно сравнивать. Больше того, Рорти полагает, что аномальные, несистематические философы демонстрируют сдвиг парадигм в философии, и поскольку, согласно Куну, парадигмы несоизмеримы, само сопоставление двух типов философствования невозможно. Таким образом, различие в стиле двух философий есть скорее дело социологии и психологии, нежели различие методов философствования. Кроме того, мало кто разделяет мнение Рорти о том, что в современной философии происходят такие сдвиги.

Как видно из предыдущего, прямолинейное заключение о враждебности Рорти в отношении аналитической философии и благожела-

тельности в отношении постмодернистской философии не является оправданным. Позиция Рорти, к которой он пришел к концу жизни, близка к тому, что можно назвать «философским экуменизмом», подразумевающим допустимость обоих типов дискурса в современной философии.

Список литературы

Боррадори Дж. Американский философ: беседы с Куайном, Дэвидсоном, Патнэмом, Нозиком, Данто, Рорти, Кейвллом, Макинтайром, Куном. М.: Гнозис, 1999.

Макинтайр А. После добродетели. М.: Академ. проект, 2000.

Райерсон Дж. Поиск неопределенности // Целищев В. В. Философский переписчик: переводы и размышления. Новосибирск: Омега-принт, 2014. С. 428–445.

Рассел Б. История западной философии. Новосибирск: Сиб. Универ. изд-во, 2003.

Сноу Ч. Две культуры. М.: Прогресс, 1973.

Хокинг С., Млодинов Л. Высший замысел. М.: Амфора, 2012.

Холдейн Д. Философия жива // Целищев В. В. Философский переписчик. Новосибирск: Омегапринт, 2014. С. 428–425.

Bouveresse J. Reading Rorty: Pragmatism and Its Consequences // Rorty and His Critics / Ed. by R. Brandom. New York: Blackwell, 2000. P. 129–154.

Hacking I. Historical Ontology. London: Harper Univ. Press, 2002.

Rorty R. Philosophy in America Today // Consequences of Pragmatism. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1982.

Rorty R. The Contingency of Community // Contingency, Irony, and Solidarity. New York: Cambridge Univ. Press, 1989.

Rorty R. Introduction: Pragmatism and Post-Nietzschean Philosophy // Rorty R. Essays on Heidegger and Others. Philosophical Papers. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991a Vol. 2. P. 1–6.

Rorty R. Heidegger, Contingency, and Pragmatism // Rorty R. Essays on Heidegger and Others. Philosophical Papers. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991b. Vol. 2. P. 27–49.

Rorty R. Philosophy as Science, as Metaphor, and as Politics // Rorty R. Essays on Heidegger and Others. Philosophical Papers. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991b. Vol. 2. P. 9–26.

Rorty R. Is Derrida a Transcendental Philosopher? // Essays on Heidegger and Others. Philosophical Papers. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991c. Vol. 2. P. 119–128.

Rorty R. Wittgenstein, Heidegger, and the Reification of Language // *Philosophical Papers, Essays on Heidegger and Others*. New York: Cambridge Univ. Press, 1991д. Vol. 2.

Rorty R. Trotsky and the Wild Orchids // Rorty R. *Philosophy and Social Hope*. Penguin Press, 1999а. P. 3–20.

Rorty R. A World without Substances and Essences // Rorty R. *Philosophy and Social Hope*. Penguin Press, 1999б. P. 47–71.

Rorty R. On Heidegger's Nazism // *Philosophy and Social Hope*. London: Penguin Books, 1999в. P. 190–197.

Материал поступил в редколлегию 25.12.2017

O. I. Tselishcheva

*Institute of Philosophy and Law, SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

RORTY AND POSTMODERNISM

The article refutes the widely held view that R. Rorty's philosophy is close to postmodernism. It is shown that in the confrontation between analytical and continental philosophy, Rorty held moderate positions towards the end of his life, criticizing both sides for intolerance. It is argued that Rorty explained the differences in the philosophizing style of both branches by several factors, including the stance of Scientism versus Romanticism and Personal Versus Public. In addition, Rorty's rejection of the political attitudes of postmodern philosophers played a significant role in shaping his later views.

Keywords: Rorty, postmodernism, Heidegger, Derrida, Scientism, Romanticism, analytical philosophy, continental philosophy.

References

Borradori J. *Amerikanskii filosof [The American Philosopher]*. Moscow, Gnosis Publ., 1999. (In Russ.)

Bouveresse J. Reading Rorty: Pragmatism and Its Consequences. *Rorty and His Critics*. R. Brandom (ed.). New York, Blackwell, 2000, p. 129–154.

Hacking I. *Historical Ontology*. London, Harper University Press, 2002.

Hocking S., Mlodinov L. *Vysshii zamysel [The Higher Purpose]*. Moscow, Amfora Publ., 2012. (In Russ.)

Holdein D. *Filosofiya zhiva* [Philosophy living]. Tselishchev V. *Filosofskii perepischik: perevody i razyshleniya* [Philosophical Scribe: Translations and Reflections] Novosibirsk, Omega-Print Publ., 2014, p. 560–574. (In Russ.)

MacIntire A. *Posle dobrodeteli* [After Virtue]. Moscow, Akadem. project Publ., 2000. (In Russ.)

Rorty R. *Philosophy in America Today. Consequences of Pragmatism*. Minneapolis, Univ. of Minnesota Press, 1982.

Rorty R. Introduction: Pragmatism and Post-Nietzschean Philosophy. *Rorty R. Essays on Heidegger and Others. Philosophical Papers*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1991a, vol. 2, p. 1–6.

Rorty R. Heidegger, Contingency, and Pragmatism. *Rorty R. Essays on Heidegger and Others. Philosophical Papers*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1991b, vol. 2, p. 27–49.

Rorty R. Philosophy as Science, as Metaphor, and as Politics. *Rorty R. Essays on Heidegger and Others. Philosophical Papers*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1991b, vol. 2, p. 9–26.

Rorty R. Is Derrida a Transcendental Philosopher? // *Essays on Heidegger and Others. Philosophical Papers*, Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1991c, vol. 2, p. 119–128.

Rorty R. Wittgenstein, Heidegger, and the Reification of Language. *Philosophical Papers, Essays on Heidegger and Others*. New York, Cambridge University Press, 1991d, vol. 2.

Rorty R. Trotsky and the Wild Orchids. *Rorty R. Philosophy and Social Hope*. Penguin Press, 1999a, p. 3–20.

Rorty R. A World without Substances and Essences. *Rorty R. Philosophy and Social Hope*. Penguin Press, 1999b, p. 47–71.

Rorty R. On Heidegger's Nazism. *Philosophy and Social Hope*. London, Penguin Books, 1999b, p. 190–197.

Russell B. *Istoriya zapadnoi filosofii* [History of Western Philosophy]. Novosibirsk, Sibirskoe univrsitetskoe izdatelstvo, 2003. (In Russ.)

Ryerson J. Poisk neopredelennosti [Search uncertainty]. Tselishchev V. *Filosofskii perepischik: perevody i razyshleniya* [Philosophical Scribe: Translations and Reflections]. Novosibirsk, Omega-Print Publ., 2014, p. 428–445. (In Russ.)

Snow Ch. *Dve kultury* [Two Cultures]. Moscow, Progress Publ., 1973. (In Russ.)